

«Алка дур-р-рак!»

У Алки Бобровой из третьего подъезда жил зелёный волнистый попугай Саша. Днём он чистил пёрышки, часами изучал себя в зеркале, всегда оставаясь в добром расположении духа, вертлявой обезьянкой болтался на качелях, как младенец, забавлялся погремушками, порхал с верхней жёрдочки на нижнюю и обратно, скрипел, трещал и издавал что-то свистяще-булькающее, а вечером затаихал под накинутым на клетку куском старой тёмно-коричневой ткани. Иметь дело с попугаями у Алки было на роду написано. Её прямая осанка, гордая посадка головы, манера глядеть сверху, светлые выпуклые глаза, а главное, нос— всё было попугаичьим. Алка была красива по-птичьи, что с красотой человеческой ничего общего не имело. Она была важным, породистым попугаем ростом с семилетнюю девочку. Нет, у Алки был не нос, а самый обыкновенный клюв, только розоватый и обтянутый кожей. Девочке никогда ничего не казалось, и с Алкиным клювом она тоже промахнуться не могла. Нос— такая хитрая штука, которая много говорит о его владельце. Свой клюв Алка просто обожала и демонстрировала при каждом удобном случае. Она садилась на спинку дивана или стула, поворачивалась в профиль, выпячивала грудь колесом, гордо вскидывала голову, отчего попугаичий её клюв даже приобретал окраску Шашиного (электрическое освещение не обманывало!), и Шашиным голосом, похожим на хриплый шёпот древнего и простуженного старика, вещала: — Саша дур-р-рак! Алка дур-р-рак! Саша дур-р-рак! Алка дур-р-рак!

Посади обоих на жёрдочку— кто где, не отличишь. В эти мгновения девочка была уверена, что Алка сейчас взлетит. По крайней мере, полёт она репетировала постоянно и с его ощущением так весь день и жила. Но самое интересное, что ровно через минуту всё то же в своей клетке проделывал попугай. Умной из всей этой компании слыла только девочка. И не потому, что она и в самом деле была умна, а потому, что в списке дураков не значилась. Просто её имя состояло более чем из двух слогов, а многосложные слова Саше не давались. Правда, вскоре попугай стал утверждать обратное: — Саша хар-р-рош! Алка хар-р-рош! Саша хар-р-рош! Алка хар-р-рош!

И надо бы порадоваться за товарищей, но девочка думала о том, что у Саши, увы, совсем нет собственного мнения и мозгов и что невозможно жить на свете, не имея ни того, ни другого. Попугай с шумом летал по комнате, цепляясь то за клетку, то за люстру, то за шторы, то за прибитое к стене покрывало, а дети бегали вокруг большого обеденного стола в центре маленькой комнаты, и смех догонял их и наступал на пятки. Здорово, когда в цирк ходить не надо, а он сам приходит к тебе в гости, пусть даже в соседний подъезд, и торчит у тебя столько, сколько ты захочешь! Алка была и дрессировщицей попугаев, и заклинательницей змей в блестящей чалме из маминого праздничного платка, и девочкой-змеёй, и обладательницей светящегося в темноте фосфорного орла с распростёртыми крылами, и щёлкательницей языком и пальцами, и устроительницей тоненьких фонтанчиков. Алка умела как-то резко открывать рот, и оттуда вырывалась малюсенькая слюнная струйка, и при каждом движении Алкиного языка она была снова и снова. Главное, чтобы рядом не оказалось исписанного чернилами тетрадного листка, потому что невозможно уговорить чернила не расплываться от влаги. Тут не поможет ни промокашка, ни давность написанного. Алкины фонтанчики приводили девочку в полный восторг. Щёлкать языком и пальцами она могла без особого труда, а вот фонтанчики ей не давались. И вместе с попугаичьим клювом они были гвоздём Алкиной цирковой программы.

Алка жила с мамой. Её мама была для девочки тёмным и мрачным ребусом, разгадывать которой девочка не осмеливалась. Девочка знала о семейной драме Бобровых и лишник вопросов не задавала. Она мучила исключительно себя: почему у всех детей папы как папы и только у одной её Алки— папа-снежинка, папа-туман, папанет-следа... Девочка не знала, как лучше: когда папа— горькая пьянь и перед всем двором твой и мамин несмыываемый позор, но он каждый день приходит домой и даже иногда даёт монетки «на морожка», или когда папа не пьёт и не курит, всем улыбается и желает доброго вечера, носит тебя на плечах и везде водит за руку, покупает то, что ты и не просишь, читает с тобой «Весёлые

картинки» и, укладывая спать, гладит по голове и целует на ночь... а утром ты просыпаешься, а папы нет. И на твой вопрос о папе мама пожимает плечами, и блестят слезинки в её глазах. Тогда ты начинаешь папу ждать! Всё время смотришь в окно и не выходишь из дому: а вдруг ты на секундочку уйдёшь — и вернётся папа? Тебя не будет дома — и он уйдёт снова. Только теперь уже навсегда. И этого «навсегда» Алка боялась больше всего на свете. Она не улыбалась и почти ничего не ела. А девочка вместе с Алкой ждала её папу. Ожидание заключалось в просиживании у окна, до рези в глазах вглядывании в близь (а даль загромождалась серой пятиэтажкой напротив), сочувственным вздыханием и вскакивании при редком и случайном звонке (почтальон или ошиблись дверью?) или малейшем намёке на него. Девочка ждала Алкиного папу и не знала, что лучше...

Алкина мама была для девочки чёрной тучей, лишняя встреча с которой ничего хорошего не предвещала. И как только из коридора доносился тихий звук поворота ключа в замочной скважине, девочка судорожно хватала свои босоножки (главное, не перепутать и не вляпаться в Алкины!) и молниеносно — птицей-кошкой — выпархивала-выпрыгивала из окна Алкиной комнаты. Алка жила на первом, но девочка готова была сигануть и с пятого этажа. За домом — палисадник, где из живых душ — только цветы, под окнами — горбатый асфальт. И риск поломать ноги всегда оставался. Когда девочка босиком приземлялась на жёсткую верблюжью спину асфальта, по прочности больше напоминающую панцирь слоновой черепахи или брюхоногого моллюска, до птицы-кошки ей было как до луны. В первые послеполётные мгновения девочка не то чтобы ходить, но и стоять не могла. И в эти минуты, стиснув кулаки и зубы, она видела великого и улыбчивого Юрия Гагарина. Девочка закрывала глаза — Гагарин улыбался. Совсем-совсем рядом. И боль притуплялась. Интуитивно выбирая из двух зол, девочка безошибочно выбирала меньшее: импульсивность и отчаяние, диктовавшие прыжок с риском возможного неудачного приземления. Жестокий и липкий страх, рождаемый Алкиной мамой, побороть она была не в силах.

Девочка ревновала Алку к каждому столбу, особенно если этим столбом была другая Алка по фамилии Бегунович. Когда белобрысая Бегунья приходила к её Бобрику, Бобрик становился чужим, и его не то чтобы не узнавала девочка, но он и сам себя переставал узнавать. Все девочки звонки в Алкину дверь с приглашением погулять вдруг делались бесполезными: в дверном глазке мелькало, за дверью шуршало, стучало и чавкало, шепталось и смеялось, а дверь не открывалась. Но если Алки нет во дворе, значит, она дома и попросту потешается над девочкой.

Унижать себя девочка не позволяла даже Алке. И девочка мстить была страшна: она тихонько открывала зелёную деревянную дверь Алкиного подъезда, крадучись, на мягких кошачьих лапках преодолевала короткий лестничный марш в семь заветных ступенек и, оказавшись у Алкиной чёрной двери с номером «31», внезапно и резко вонзалась в кнопку Алкиного звонка. Предательский указательный девочкин палец сначала никак не мог дотянуться, а потом отлипнуть от этой маленькой пластмассовой кнопочки, будто она — липучка или жёваная жвачка, приклеившаяся к тебе до скончания века, и девочке стоило огромных усилий, чтобы благоразумной левой оторвать несговорчивую правую от крохотного предмета, напрямую связывающего девочку с объектом мести. Так велико было девочкино сопротивление несправедливой действительности, что упрямый палец не отлипал! И это за всё девочкино недозволение себе веселья и радости, стойкую веру во внезапное возвращение Алкиного папы, негуляние и вечное сидение в Алкиной душевной комнатушке с плотными шторами, не пропускающими ни заблудившегося ушастого солнечного зайчика и ни единой тонюсенькой золотисто-радужной нити! Сколько волка ни корми, он всё в лес глядит. И Алкиным лесом была Бегунович. А девочка не была ни лесом, ни полем, ни лугом, ни небом, ни чистым ангелом, ни живой душой. Будто её нет вовсе. И девочке ничего не оставалось, как доказать обратное. Мстить — блюдо, которое подают холодным, и танки грязи не боятся. В девочкиной светлой голове всё было разложено по полкам. Её левая рука дружески оттаскивала правую от кнопки Алкиного звонка, а быстрые послушные ноги уносили прочь из подъезда, спасая бедную бедую голову. Но далеко отбегать было нельзя: увидя из окна Алкиной квартиры, да и большее расстояние лишит мстителя возможности наблюдать за жертвой. Нужно было найти надёжную щёлочку, ближнюю дырочку, тайное укрытие. Таким местом оказалась площадка под Алкиным балконом, совсем низкая, и заползть туда приходилось чуть ли не по-змеиному. И каждый раз после девочкиного звонка, молча или с руганью, но Алкина дверь открывалась. И если в дверь звонят, а на пороге никого, то звонит или призрак, или дух, или гном, или гад (точней, гадюка). Неизвестно, когда бы девочка остыла к своей затее, но в один из «пыточных» дней отзвуком на её очередной звонок из глубины квартиры прошелестело Алкино: «Папа!» И столько боли и надежды было в этом коротком возгласе, что девочка посчитала себя последней негодяйкой и казнилась нескончаемо длинную неделю. С тех пор она не мстила. Никому. Одно-единственное Алкино слово заставило девочку простить всех, кто её когда-либо обидел.

Через три года попугайчик Саша умер. И Алка с девочкой его хоронили. Девочка плакала, Алкино лицо было каменным. Зелёного волнистого попугайчика Алке на день рождения подарил папа.

«Славные люди — соседи мои»

Миллион своих маленьких лет девочка живёт в самой лучшей в мире, родной и тёплой серой пятиэтажке. И любит её нежно и преданно. Так любят серого слона, который, как всем известно, абсолютно розовый. Ну запылится малость — с кем не бывает? И девочкина пятиэтажка тоже розовеет — на рассвете и на закате. И тогда она делается такой раскрасавицей, что девочке хочется жить в ней ещё два миллиона, но уже своих больших лет. Жить одной в большом доме — умрёшь со скуки, и со всех сторон девочку окружают соседи. Но все в этом рассказе не поместятся...

На первом этаже живёт Елена Артёмовна с сыном Андреем. Андрей пилит скрипку, Елена Артёмовна — Андрея. Ну очень крепкий Андрей ей попался! На улицу он не выходит и с мальчишками не играет. Андрей не прочь бы погонять в футбол, да мама не пускает: скрипку пилить надо! Елена Артёмовна — старая злющая училка с такой огромной копной седых волос, что её вполне бы хватило на три головы. Училка пилит не только Андрея, но и всех обитателей двора: то дети у первого подъезда кричат, то дяденьки у последнего в домино стучат, то тётеньки бельё кругом развесили, то воробьям весело, то вороны каркают, то солнце яркое. И всё бы ничего, когда бы Елена Артёмовна псом Цербером день и ночь из своих окон не стерегла тропинку в палисадник. Девочка точно знает, что, кроме скучной долговязой жёлтой рудбекии и отовсюду выглядывающей изумрудной шелковистой травы, там никого: ни перевозчика душ — мрачного старца в рубище Харона, ни прекрасной и печальной Эвридики, ни великого певца с кифарой Орфея, ни вечного мученика, катящего в гору гигантский валун, Сизифа, ни храбреца Ахилла, ни победителя Геракла. Но тогда кого караулит трёхголовая Елена Артёмовна? И девочка вынуждена снова наведаться в палисадник...

На втором этаже с мамой и папой живут Людка-будка и Васька-Васёнок, дурной поросёнок. Толстые молчаливые хомяки на весь вечер приклеиваются к лавке и жуют булки. А ну попроси у них кусочек!.. И не вздумай — не дадут!

Жадина, говядина,
Солёный огурец,
По полу валяется,
Никто его не ест!

В салки, догонялки, классики, вышибалы, казаки-разбойники они не играют. Потому что лавка

бегать не умеет. С ними только в молчанку играть: щёки от жира лопаются, а сами — ни гу-гу.

У гражданки Соколовой
Бегемот сидит в столовой,
Чешет вилкою живот,
Скатерть новую жуёт
И кричит: «Ри-ри-ри-ри!»
Кто играет, тот замри!

Людка с Васькой всегда играют. И выигрывают! Но исключительно в молчанку: ну булочки молчаливые попадают!.. И про булочки. Девочка гибка, как пружинка, стройна, как стебелёк, и пластична, как глина в руках гончара. Мама всё никак не могла понять, что делать с этой россыпью талантов, пока однажды не отвела девочку в самую настоящую кузницу самых настоящих олимпийских чемпионов к самому настоящему тренеру по художественной гимнастике. Самый настоящий — почти всегда и самый строгий. Так произошло и в этот раз. Тренер долго сверлила девочку опытным тренерским взглядом, а потом ни с того ни с сего резко скомандовала: «Шпагат!» Девочка съёжилась и на всякий случай вжала голову в плечи, а перед её глазами на задних ногах вдруг загарцевали цирковые лошадки, бодро вскидывая передние в такт оркестровому маршу. Видно, пауза затянулась, и виной тому были, разумеется, красивые дрессированные лошади, которых никто, кроме девочки, почему-то, увы, не заметил. «Меньше булочек надо есть!» — отрезала строгая тренер и попросила посторонних удалиться из спортзала. Посторонними, конечно, оказались девочка с мамой. Они удалились, а «булочки» удалиться не желали. «Булочки» мучили девочку даже во сне. А всё потому, что она их не ела... А шпагат?.. Девочка научится! Просто она никогда не думала, что такая мелочь может решить всю её судьбу...

На третьем этаже живёт ведьма — морщинистая старуха с трясущимися руками, золотыми зубами, иссиня-чёрными коротко стриженными и во все стороны торчащими волосами и неизменно прямой спиной. Своей странной причёской ведьма похожа на неприбранную ворону. Но зеркало в её хозяйстве всё же есть, потому что поверх платья на старухе обычно красуются крупные яркие бусы, а губы подведены красной помадой. Все эти женские таинства совершаются не иначе как у зеркала. Днём по всему подъезду у каждой двери ведьма старательно рассыпает соль, бормоча себе под нос дурацкие стишки, а вечером прилежно, по складам и нараспев, читает газету «Правда» так громко, что девочкиным родителям её читать уже не нужно. Ведьма живёт одна, но за горами, за долами, за зелёными лесами где-то на свете у неё есть внучка. И надо же случиться

такой беде, что внучка и девочка, по мнению старухи, совершенно одного возраста, роста и размера. Из каждого дворового угла своим корявым пальцем зазывает ведьма девочку к себе. Старуха вечно путает её имя и всякий раз зовёт по-новому. Съесть девочку она всегда успеет, а пока девочка ей нужна для примерки вороха одежды, купленной внучке. И если этот ворох девочке придётся в пору, то во внучкино тридевятое царство-государство полетит он обычной почтовой посылкой. Чтобы не умереть со страху (вместо зубов у ведьмы — клыки, вместо ногтей — когти), девочка выполняет все её команды с закрытыми глазами, не всегда попадая в рукав или в штанину и застёгивая пуговицы так, что кофточка и халатики сидят на манекенщице сикось-накось. А не явиться на ведьмину примерку нельзя: уж больно напоминает эта дамочка ведьму из сказки «Терёшечка». И когда она станет грызть дуб, где придётся схорониться девочке, гуси-лебеди страданицу не спасут: городским ленивым птицам только бы сласти выпрашивать у посетителей зоопарка. А нет спасения, так и смерти не бывать! Поэтому девочка плетётся на примерку. И как-нибудь ей ужасно надо хоть одним глазком взглянуть на старухину внучку, чтобы проверить, золотые у неё зубы или простые и обыкновенная она девочка или ведьма?..

На четвёртом этаже живут Светка-кукушка с дочкой Наташкой. Ни перьев, ни крыльев, ни хвоста у Светки нет, и может ли она куковать и летать, девочка не знает. Маленькая Наташка похожа на щенка, который тычется холодным носом в прохожих в надежде, что вот сейчас его возьмут в свой тёплый дом, и радостно виляет хвостиком. Наташка — весёлый воздушный шарик, и, чтобы она не улетела, её всё время нужно держать за ниточку. И девочка держит. И часто бывает у Наташки в гостях. В шкафу у Светки-кукушки висит длинное белое платье с пышной волнистой юбкой и большим цветком на поясе. Наташка сто раз его показывала, но Светка это платье не надевает. Разные дяденьки приходят и уходят, а платье висит. И зачем покупать вещи, которые не носишь?.. А девочка с удовольствием надевает всю свою красивую одежду! И когда у девочки жирные волосы, она их просто моет шампунем, а не сыплет на голову муку, не ходит по дому полдня снежной бабой и не вычёсывает белой метелью, как делает Светка. И неужели все кукушки в муке купаются?..

Замарашка рук не мыла,
Месяц в баню не ходила.
Столько грязи, столько ссадин!
Мы на шее лук посадим...

Это дворовые мальчишки кричат Таньке.

Репу — на ладошках,
На щеках — картошку,
На носу морковь взойдёт —
Будет целый огород!

А это — Аньке. Грязные и худые Танька и Анька живут с толстой мамой Ирой на пятом этаже. На ней рваный халат, она всегда шатается от усталости, и от неё противно пахнет вином. Папа бросил не дочек, а Ирку. Но когда он жил с ними, Танька и Анька не были раздеты и не просили у всех еды. Раньше девочки любили мороженое и конфеты, а теперь — всё подряд. И даже в сырую погоду на них только тоненькие платьица и испачканные трусы. Танька и Анька кашляют, и у них из носа лезут сопливые пузыри. А малышки не замечают — привыкли. Девочка дала Таньке и Аньке по ириске, а Танька вдруг вынула из кармашка крошечный осколок зеркала и помаду и протянула девочке: — Квась губы! — торжественно произнесла она.

Помада оказалась сомнительного — оранжевого — цвета с неприятным запахом. Но, чтобы не обидеть Таньку, губы пришлось «квасить». Когда девочка вернулась домой, от помады на её губах, конечно, не осталось и следа. Но так думала девочка, а у девочкиной мамы на этот счёт имелись свои соображения. Каким-то непостижимым образом жалкие остатки оранжевой жути предательски залегли в уголках девочкиных губ. И доказывай теперь, что ты не верблюд и, кроме единственного тюбика гигиенической помады, выключенной и хранимой больше собственной жизни, у тебя ничегошеньки нет!.. У Ирки часто бывает милиционер. И, если она не перестанет уставать и шатагаться, он сдаст Таньку и Аньку в детский дом. Но она шатается по-прежнему, и от неё всё так же воняет. А девочки хотят жить с папой. У него новая, хорошая, настоящая семья. И он их заберёт. Только надо чуть-чуть подождать. Одну маленькую капельку. Так сказали девочке Танька и Анька. И девочка тоже будет ждать. Потому что вместе ждать быстрее!

«Славные люди — соседи мои». А дедушка Некрасов не может ошибаться.